

*ТИМАШЕВА Оксана Владимировна, доктор филологических наук, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков Московского городского педагогического университета**

МОЗАИКА КОЛЛЕКТИВНОЙ ДУМЫ

Рецензия на коллективную монографию: Франция и Россия: век XVII. Н. Новгород: Печат. мастерская РАДОНЕЖ, 2016. 340 с.

В четырех частях рассматриваемой монографии – «История, экономика, политика Франции и России XVII века», «Грани культуры XVII века», «Музыка и театр XVII века», «Компаративный диалог с XVII веком» – группа авторов исследует столетие, предопределившее судьбу развития Европы. Пристальное внимание уделяется вопросам дипломатии, религии, культурных связей в области литературы, театра и музыки. Монография объединяет исследователей разных областей знаний и предназначена как для специалистов, так и всех читателей, интересующихся XVII столетием.

***Ключевые слова:** Россия, Франция, нововременная цивилизация, компаративистика, централизация мыслительных процессов.*

Как можно заметить из названий разделов коллективной монографии о XVII столетии, она не посвящена межнациональным сопоставлениям (Россия и Франция) или сопоставлениям отдельных периодов, жанров или уровней литературы. Обособляя XVII век и выдвигая самостоятельные разделы его изучения как существенные, организаторы конференции, по итогам которой вышла данная монография, имеют в виду живущую своей жизнью историко-культурную эпоху, входящую вместе с эпохой Просвещения и XX веком в исторически более протяженную эпоху нововременной цивилиза-

ции. Многообразные темы и сюжеты монографии объединены идеей углубленного познания столетия, заложившего основы русских представлений о европейском западе и Франции. Обратная сторона – французские наблюдения над российским обществом и его историей – тоже имеют место, но в данной книге нет пространного русско-французского диалога, подобных сообщений мало, они никак не превалируют, поэтому обозначим их прежде всего.

Давно и неоднократно многими специалистами отмечалось, что для французских ученых (путешественников, антропологов, картографов,

*Адрес: 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1; e-mail: timacheva@list.ru

Для цитирования: Тимашева О.В. Мозаика коллективной думы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 152–157. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.152

этнографов) Россия – огромная территория с разнообразной природой и пестрым населением, о чем французы чаще всего, даже в наши дни, пишут книги, записки, мемуары. Подобным образом они видят и другие земли, находящиеся рядом с Россией.

Старший научный сотрудник Института истории Украины НАН (Киев) О.Л. Иваненко, исследуя французские документы, в своем сообщении констатирует, что понятия «Украина» до XVII века в сознании французов вообще не существовало. Впервые оно появляется лишь в XVII столетии в книге военного инженера и картографа Луи де Боплана, написавшего для польского короля Яна II Казимира текст под названием «Описание Украины» (1651), где отмечается *роль украинцев в развитии польского государства*, расширении его границ. Украинцы защищали рубежи Польши, оберегая ее от турецких и татарских набегов. «Польское земледелие значительно продвинулось вперед с помощью освоивших черноземье украинцев», – подчеркивает О.Л. Иваненко. Вывод напрашивается сам собой: Украина в XVII веке видится французам как крестьянская часть Польши.

Благодаря быстрому распространению французского языка и французских книг в русском образованном обществе Франция стала посредником между ним и европейской культурой. Первые шаги в контактах России и Франции были сделаны еще в XI веке (дочь Ярослава Мудрого – французская королева), и потом развитие контактов – с остановками – идет в основном по восходящей линии.

Сочинение о Московии Авраама де Викфора «Посол и его функции» (1680) – солидное, состоящее из двух томов произведение, написанное на основе живых наблюдений. Заметно, что де Викфор осознает важность участия Московии в делах европейской политики, понимает всю сложность положения русского государства на международной арене XVII века. Ему удается подчеркнуть восточный колорит Московского государства. Отличительной чертой европейца XVII столетия он считает идею «*civilité*» («цивильности», «вежества»). Неслучайно его замечание: «Если турки

жестоки, честолюбивы, горды, то москвиты некультурны, грубы, невежественны». Население России, с точки зрения его как католика, – прямой враг *латинской* церкви: они часто бескультурны и жестоки. Впрочем, в *спорах о порядке имен правителей* в текстах официальных посольских договоров Московия все равно побеждает. И это становится доказательством того, что Россия играла не последнюю роль на международной арене и считалась сильным европейским государством. Об этом сочинении и его различных переводах пишет аспирантка исторического факультета МГУ А.С. Чернышева.

Русские во французском общественном мнении в массе своей – суть невежи, чего не скажешь в XVII веке о французах. Французы любят игру и всегда играют в жизни, как на сцене. Однако нормы воспитанности, приличий и правил поведения закрепляются французами сначала в их собственном социуме, а потом и во всем европейском. Выработывая новую, отвечающую потребностям времени этико-эстетическую концепцию личности, литература XVII столетия оставила образцы разнообразных руководств по светскому поведению, а также продемонстрировала примеры такого поведения в художественных произведениях (драмы, стихи и проза). Известный литературовед-французист, преподаватель МГУ Н.Т. Пахарьян внимательно изучает эти документы.

Для наглядности стоит их перечислить. Заимствованное у Монтеня (глава «О суетности») понятие «благовоспитанность» попало в книгу Николая Фаре «Благовоспитанный человек, или Искусство нравиться при дворе» (1630), в сочинение Пьера Бардена «Лицей» (1634), в учебники Дю Боска «Благовоспитанные женщины» (1634), «Благовоспитанное супружество», «Благовоспитанная девушка», «Благовоспитанный отрок» (1630–1640-е годы) и т. д. Самые известные писатели XVII века П. Корнель («Никомед», 1651), М. де Скюдери («Артамен или Великий Кир», 1649–1653), Ж. Расин (Британик, 1670), Ж.Б. Мольер («Школа жен», «Тартюф», «Мизантроп»), авторы максим и изречений – Ф. де Ларошфуко, Ж. де Лабрюйер,

Б. Паскаль – также развивают идею француза как «человека, имеющего честь», способного ее защищать.

Во французской культуре XVII века – на поверхности очень светской – веру, религиозные размышления, христианство обычно ищут где-то в глубине, например в мифологических по сюжетному рисунку пьесах Расина или в линии поведения принцессы Клевской мадам де Лафайет. Б. Паскаль пишет: «Как только христианская религия открывает ту истину, что природа человеческая испорчена и разлучена с богом, мы начинаем прозревать эту истину повсюду, природа такова, что и в человеке и вне человека, она свидетельствует об утраченном Боге и об испорченной его природе»¹.

Нижегородцы уверенно заявляют о сходстве доктрин Аввакума, т. е. староверов, с идеями Паскаля. Афористика Паскаля («Мысли») поверена его стоицизмом и аскетической жизнью. Блез Паскаль напоминает тех монахов-визионеров, которые, защищаясь от язычества, замыкались в себе и своим незаметным трудом проделывали гигантскую блистательную работу по «переиначиванию» языка Священного Писания на общедоступный. Христианская религия так или иначе заставляет видеть, где и как человек испорчен, будучи разлучен с Богом. Таким образом, особенностью тематики рецензируемого сборника в первую очередь следует считать приведенные здесь статьи, так или иначе касающиеся религии.

Творческое наследие Блеза Паскаля – сегодня это можно утверждать – глубоко освоено русскими писателями XIX столетия, в частности Батюшковым, Тютчевым, Достоевским. Об этом настойчиво пишет В.Н. Тарасов, профессор Литературного института имени А.М. Горького, автор популярных книг и статей о Паскале. Он утверждает, что можно вести разговор о «паскалевской» линии, влияние которой на питаемые христианской традицией направления русской культуры трудно переоценить,

но оно по идеологическим причинам игнорировалось нашей гуманитарной наукой в пользу линии материалистической, «вольтеровской». Религиозно окрашенное творчество русских авторов многие десятилетия замалчивалось либо подвергалось превратному истолкованию.

В России в области литературоведения, как пишут З.И. Кирнозе, доктор филологических наук К.Ю. Кашлявик и А.Е. Лобков (Высшая школа экономики НАН, Москва), первым, кто оценил Блеза Паскаля не как философа, а как писателя, был С.Д. Коцюбинский. До него литературность творчества Паскаля подвергалась сомнению, религиозная окраска его произведений не была рассчитана на чисто эстетическое восприятие и скрывала тем самым их художественную сторону. Поиск Паскалем «новой этики», новой системы чувств и поведения соответствует перевоплощению «человека для себя» в «человека для государства». Это центральная проблема писательской деятельности Паскаля. То, что сегодня хорошо известно как «Мысли» Паскаля, задумывалось как «Апология христианства», демонстрирующая ничтожество «человека без Бога». В конце концов, человек как «мыслящий тростник» стал одним из самых любимых образов в мировой культуре.

Паскаль не отвергает человеческий разум: все наше человеческое достоинство заключается в способности мыслить. Тщетно пытаясь быть благополучным, смертный («мыслящий тростник» – «пустой бамбук») заполняет бездонную пропасть мелким и суетно-преходящим. Знаменитый образ «мыслящего тростника» призван передать трагически парадоксальное бытие человека, его ничтожество и величие. Экзистенциалисты, как это известно из рассуждений в «Бытии и Ничто» Ж.-П. Сартра, подхватили именно эту мысль Паскаля: идею трагической двойственности человека, а также его мысли о смерти.

Пьер Паскаль (1890–1983) – филолог-дипломат, католик-экуменист, одновременно по-

¹Паскаль Б. Мысли. М.: Фолио, 2003. С. 199.

читатель Владимира Соловьева, «христианский большевик» – верил в возможность построения в России новой жизни, отличной от жизни Запада, в возможность совмещения социализма и христианства. Он стал героем статьи старшего научного сотрудника института востоковедения РАН (Москва) М.Ю. Рощина. В октябре 1918 года Пьер Паскаль отказался вернуться во Францию вместе с персоналом французской военной миссии и остался в Советской России. Изучая российские архивы, он пишет интересные работы о времени протопопа Аввакума, русском XVII столетия. В 20-е годы прошлого века, живя в Москве, он переводит на французский житие протопопа Аввакума. Язык того времени после «интернационального слога научных статей» казался ему «чистым и сочным»: «...так, наверное, говорил весь русский народ до Петра Великого». Жизнь Аввакума вдохновлялась «непосредственным ощущением Провидения, действующим в мире и в нем самом». Согласно ходу его рассуждений, Бог вселяется в любимого им человека («дюбовнова человека»), внутренний мир которого есть «церковь» или «дом божий».

Христианская интерпретация смерти констатирует переход человека в подлинное его существование: оно, как полагают уже верующие XVII столетия, не может быть «суетно слезливым». Об отношении человека XVII века к смерти пишет на основании переписки Антуана Арно (1612–1694) аспирантка Кембриджа Е.А. Аль-Фарадж. Мыслитель Пор-Рояля Антуан Арно переписывался с известными философами своего времени – Г.В. Лейбницем и Н. Мальбраншем. Е.А. Аль-Фарадж анализирует *письма-соболезнования* и *письма-утешения*. Характеризуя письма, Антуан Арно выступает против обыденного отношения к смерти, ввергающего в излишнюю скорбь. Видение смерти для него скорее радостное, чем мрачное.

Однако XVII столетие не исчерпывается философией. Это был также век любви. Человеческие, а также социальные и гендерные отношения этого периода только начинают изучаться сегодня. Ключ к пониманию отношений

мужчины и женщины, их своеобразия и значимости – в поиске и изучении многоаспектной проблематики документов, писем, дневников, записок этой исторической эпохи. Доцент филологического факультета Саратовского университета С.Ю. Павлова в своей статье «Мемуары Марии Манчини» рассказывает о записках Марии Манчини – женщины, склонной к квиетизму, первой возлюбленной Людовика XIV, незаслуженно обделенной судьбой. Племянница кардинала Мазарини, получив воспитание при французском дворе, ощущает себя французенкой и использует мемуарный жанр для демонстрации своей преданности Франции и королю Людовику XIV.

Для многих Людовик XIV и XVII век – синонимичные понятия. Этот монарх объявил себя единственным авторитетом во всех областях общественной, духовной и частной жизни. Пышность, декоративность, тщательно разработанный этикет стали характерными признаками культуры XVII века. Однако даже в абсолютно неопровержимом всегда находятся некоторые «лазейки», отступления, позволяющие увидеть нечто иное, стихийное или случайное. Идентификация монарха с солярными божествами – характерный элемент публичного образа Людовика XIV, однако он менялся на протяжении его жизни. Юный Людовик, будучи под опекой кардинала Мазарини, мог предстать на сцене в придворных постановках в облике любого персонажа. С годами ему пришлось стать осмотрительней и помнить о том, что власть есть власть – вне зависимости от таких переменных, как тело и возраст. Об этом, представляя Людовика XIV как танцовщика, пишет старший научный сотрудник института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета (Москва) М.С. Неклюдова.

Обучение монарха – существенный момент истории культуры изучаемого периода. Старший священник монастыря «новых католиков» Фенелон был назначен главным воспитателем юного герцога бургундского, внука Людовика XIV.

Весьма трудный подросток стал некоторое время спустя, по воспоминаниям современников, «сдержанным, снисходительным, терпеливым, скромным, хорошо выполняющим свои обязанности». Фенелон задумал сочинение как своего рода учебное пособие для воспитанника, которого в книге «отправляет в путешествие», и потому Телемак наделен чертами сановитого подростка. В книге изображено идеальное государство, утопия, прославляется крестьянский труд. Здесь нет судей – людей судит их собственная совесть. Фенелону посвящена опубликованная в рецензируемой монографии статья профессора Санкт-Петербургского университета М.В. Разумовской «Фенелон и его роман» (посмертная публикация В.Д. Алташиной).

Литературная сказка XIV века представляла собой прогрессивный жанр, предполагавший более гибкую дискурсивную стратегию авторов, чем это было принято в ведущих жанрах этого времени – трагедии и комедии. Волшебная сказка менялась, опираясь на авторский выбор возможных целей и средств. В.Д. Алташина в своей статье о сказке «Красная шапочка» Шарля Перро в России (с 1870 по 2014 год) выделяет для анализа определенные моменты композиционного сложения сказки: зачин, развязку, описание гостинцев для бабушки, постельную сцену Красной шапочки и псевдобабушки. При этом текст изменяется за счет отказа от поэтических нравоучений или логичного расширения текста с помощью добавленных эпитетов, зависящих от фантазий переводчиков. Именно они способствуют порой увеличению или уменьшению объема текста. В разные столетия представление о сказке Перро у русского читателя зависело от текста, который попадал ему в руки.

Не будет преувеличением сказать, что в начале XXI века многие соотечественники с увлечением слушают музыку XVII столетия. Фестивали музыки барокко, организуемые писателем Паскалем Киньяром в Версале, ночные концерты свободно транскрибированной музыки барокко Теодора Курентзиса в Большом зале консерватории (Москва) – яркие свидетельства ее популярности.

Третья часть коллективной монографии «Музыка и театр XVII века» содержит несколько статей, почти в унисон заявляющих о множественности и разнонаправленности музыкальных эстетик XVII века. Доктор культурологии Нижегородской консерватории им. М.И. Глинки Т.Б. Сиднева вспоминает Р. Декарта с его «Компендиумом музыки», М. Мерсенна с его трактатом «Универсальная гармония». Установкой столетия были логически выверенное и подтвержденное практическим опытом знание, стремление к жесткой централизации мыслительных процессов. «Цель музыки, – писал Р. Декарт, – доставлять нам наслаждение и возбуждать в нас разнообразные аффекты». Похоже, что переживание определенных музыкальных состояний совпадает с психофизиологическими потребностями современного слушателя. Восприятие наше изменяется с ходом перемен, происходящих в современном мире.

Возможно, у монографии – небольшая аудитория, но, безусловно, это достойная аудитория, состоящая не только из специалистов, но, смеем предполагать, представителей самых разных профессий, читателей, интересующихся общим прошлым, историей, увиденной через тексты исторических документов, переписку и многочисленные художественные произведения.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.152

Oksana V. Timasheva

Moscow City Teacher Training University;
2-y Sel'skokhozyaystvennyy proezd 4, korp. 1, Moscow, 129226, Russian Federation;
e-mail: timacheva@list.ru

A MOSAIC OF COLLECTIVE THOUGHT

Review of the multi-author monograph: *Frantsiya i Rossiya: vek XVII* [France and Russia: The 17th Century]. Nizhny Novgorod, 2016. 340 p.

The four parts of the monograph – “History, Economics, and Politics of France and Russia in the 17th Century”, “Facets of Culture of the 17th Century”, “Music and Theatre of the 17th Century”, and “A Comparative Dialogue with the 17th Century” – analyse the century that had sealed the fate of the development of Europe. Careful attention is given to the issues of diplomacy, religion and cultural contacts in the spheres of literature, theatre and music. The monograph unites researchers from various disciplines and is intended for both experts and anyone taking interest in the 17th century.

Keywords: *Russia, France, civilization of the modern era, culture, comparative studies, centralization of thought processes.*

Поступила: 20.06.2017
Received: 20 June 2017